Уровень заветных жилых башен. Названный Crossways, воздушный атриум разделен на четыре широкие широкие лестничные клетки, ведущие к четырем квадратным жилым башням, дискретное наблюдение постоянно сканирует, чтобы проверить соответствующий уровень допуска. Оказавшись в Башнях, глядя вниз, можно было увидеть, что каждая из них потеряла свой внутренний угол из-за изогнутой стеклянной стены, так что, если смотреть сверху, недостающие углы четырех Башен описывали единую центральную трубу, пустое пространство, достаточно большое для размещения обширный формальный сад на том, что на самом деле было укрепленной крышей атриума Crossways.

Широкие симметричные дорожки этого самого эксклюзивного сада были вымощены травленым и полосчатым стеклом, позволяя естественному свету струиться узкими шахтами через сводчатую крышу высокого атриума Crossways внизу. Поднимаясь на Южную башню, Мара взглянула вверх и через верхушки деревьев на Северную башню напротив, идентичную изогнутую стену из девяноста этажей из темного стекла, окрашенного в цвет ртути, с тонко отражающей отделкой изогнутых башен, отражающих друг друга. вперед и назад в бесконечной оптической иллюзии. «Дворец зеркал» они назвали его во времена Палпатина, изящно двусмысленно по поводу количества тайных союзов, частных договоров и интригующих манипуляций, которые он скрывал за своим сверкающим фасадом. Неужели так много изменилось со времен смерти старого Императора?

Да и нет. Внутри Главного дворца под Башнями Мара казалась совершенно другим миром, чем тот, который она знала с детства, одновременно полностью знакомым и все же безошибочно изменившимся. Да, там по-прежнему было много людей, но тогда большая часть Главного дворца всегда была городом внутри себя, легко поглощая своих многочисленных жителей своей массивной монолитной структурой даже в самых оживленных местах вокруг «общественных» дворов. где сотрудники, прошедшие проверку безопасности, и высокопоставленные лица могли свободно собираться. В начале правления Палпатина весь контроль был сосредоточен на площади почти в милю от Главного дворца, на котором покоились четыре элитных и тщательно охраняемых жилых башни, его печально известное недоверие ко всем, требующим, чтобы он сохранял всю власть в пределах легкой досягаемости. и пристальное внимание.

Даже сейчас, во время правления Люка, хотя значительная часть контроля передавалась в регионы, способность принимать важные или долгосрочные решения по-прежнему оставалась исключительно внутри Дворца, требуя огромного штата сотрудников для ассимиляции, определения приоритетов, распределения и действий в соответствии с невероятное количество данных, поступающих ежедневно из обширных областей Империи. Но, в отличие от прошлого, люди, которые служили Императору в этих областях, больше не были обязаны жить своей жизнью в Главном дворце, хотя многие по-прежнему оставались в виртуальном городе в Зонах обитания персонала к верхним уровням Главного дворца. к тем, кто жил и работал там почти два десятилетия как Монолит.

И впервые - впервые с момента постройки Дворца - произошло первое рассеяние инопланетных форм жизни среди людей. Немыслимое во время правления Палпатина ослабление системы классификации начало проявляться даже здесь, в медленной текучести кадров, военных и гражданских. Тем не менее, подумала Мара, это были немногие храбрецы, у которых хватило смелости приехать и работать в Главном дворце; новое равенство здесь жестко соблюдалось, но почти два десятилетия существования здесь только человека должны были укорениться определенные предрассудки.

Странно было думать, что вся эта шумная жизнь все еще продолжается в Монолите под четырьмя частными Жилыми Башнями, которые теперь казались навсегда пустыми и по

сравнению с ними звучали эхом. Огромное количество людей, которым требовалось «присутствовать при дворе» во время правления Палпатина, давно исчезло, большинство из них либо заискивали благосклонность и власть у Палпатина, либо были немногим более, чем плохо замаскированные заложники; постоянные «гости» императора, которых держали рядом, чтобы обеспечить повиновение другим или просто чтобы отомстить. Фактически, теперь не было видно «Суда», Старому Императору нравились атрибуты своего положения, но его не интересовали мелочи, кроме подтверждения своего контроля.

Для того, чтобы владеть этого было достаточно. С другой стороны, Скайуокер оставался постоянно погруженным в повседневную жизнь своей Империи. У него была работа, конечная цель, которую нужно было достичь ... и хотя Мара еще не была уверена, что именно, она знала, что первые этапы, направленные на ее достижение, уже были запущены и постоянно контролировались. Иногда ей казалось, что она видит фрагменты более широкой картины, тогда Люк полностью им противоречил, всегда с разумом, все было настолько логично. На самом деле, она размышляла криво, она взяла в привычку отклоняя на принципе ничего , что казалось , несомненно , правдоподобно или безотказно доверия.

Он утверждал - очень логично, конечно, - что конституционные изменения должны были искоренить инакомыслие, но он мог выбрать для этого любое количество законов, почему конкретно нужно ослабить законы о рабстве? И если это было просто пустое занятие, зачем его так усердно выполнять в самом дворце? Нет, она знала Люка, и он имел в виду более широкую картину, даже если не хотел делиться ею; в этом он был очень похож на своего старого Учителя. Но тогда она предположила, что он имел право на такое поведение; в конце концов, он был Императором. Все, будь то Император совсем другого типа.

Уже через год после его вступления на престол Суд, который проводился каждую ночь во время правления Палпатина, был не более чем представлением; пустые, бессильные пустые разговоры в пользу прежней традиции. Люк председательствовал менее дюжины раз за последний год - и даже тогда, когда съезд ознаменовал некую веху, которая традиционно требовала присутствия Императора. Зная его так же, как она, Мара также увидела то, что он так хорошо скрывал за покровом презрительного презрения; что он лично был смущен такими вещами; что люди должны были стоять, когда он стоял, и сидеть, когда он сидел, и слушать, когда он говорил. Что не мешало ему использовать такие пустые протоколы, если он считал это необходимым; еще один урок, который он извлек из рук старого Императора.

Таким образом, по большей части, в то время как Монолит оставался оживленным и шумным, четыре башни, которые составляли сам старый двор, высшие эшелоны правительства и жилые помещения для Императора, его свиты и привилегированных сановников Двора, теперь были меньше половины полный.

Огромные площади, этаж за этажом, теперь полностью пустовали, величественные апартаменты за апартаментами, в которых располагались влиятельные королевские дома, голые, широко открытые просторы величественных дворцовых и общественных комнат, неиспользуемые, оставляя Мару с призрачными воспоминаниями о знакомом прошлом, которые эхом отзывались о заброшенном прошлом. широкие пустые коридоры. Конечно, было много высокопоставленных лиц, которые все еще оставались выполнять свои обязанности или занимали здесь временные апартаменты по усмотрению Императора, и Восточная башня все еще была оборудована для обработки огромного наплыва гостей на официальные мероприятия, но приглашения в Жилые башни действительно были редкостью. , и тем более ценимый из-за этого - еще один факт, который Люк знал и использовал в своих интересах, когда это было необходимо. И еще оставалось несколько «Выживших»;

Королевские дома, которые сохранили высшее признание постоянных квартир, закрепленных во дворце, - негласное выражение власти и благосклонности. Это был один из таких королевских домов, о котором сейчас думала Мара, когда она шла в кабинет, где Люк все утро будет проводить столь востребованные частные аудиенции, чтобы выслушать жалобы, урегулировать споры, которые остались нерешенными меньшими полномочиями, и распределить поддержка или угрозы по мере необходимости.

Беладон Д'Арка, один из таких Выживших, официально попросил аудиенции у Императора, что показалось Маре странным, так как его выдающаяся поддержка Люка означала, что он обычно имел доступ к Императору с уведомлением всего за несколько дней. Зачем делать этот обычный запрос? По-видимому, это должно быть какое-то официальное дело или, возможно, что-то связанное с неизбежным запуском последнего звездного разрушителя, Стерлинга, на который его пригласили выступить в качестве церемониймейстера. Тем не менее, еще одно имя выскочило из списка «Уполномоченные жители в посещаемости», который ежедневно обновляется и рассылается всему персоналу службы безопасности; его дочь, Кирия Д'Арка, в настоящее время была гостьей Императорского дворца. В этом не было ничего удивительного;

Давно любимый Палпатином, Королевский Дом Д'Арки представлял собой высшие эшелоны Имперской армии и располагал апартаментами в Восточной Башне задолго до того, как Люк стал Императором. Их заметная ранняя поддержка Люка во время его присоединения гарантировала их дальнейшее выживание, о чем свидетельствует тот факт, что Люк никогда не удосужился отозвать свое согласие на сохранение резиденции во Дворце, хотя тот факт, что это каким-то образом стало открытым - Завершившееся приглашение Кириа Д'Арка всегда раздражало Мару. И ее слишком регулярные визиты не преминули привлечь внимание как Голонета, так и различных конкурирующих разведывательных агентств, действующих даже здесь. Дворцовая разведка недавно пересекла другой отчет, прежде чем осторожно отправить его в путь, на этот раз направлявшийся группе ботанов и, следовательно, вероятно, Альянсу повстанцев.

В этом конкретном отчете о продолжающемся присутствии Кириа Д'Арка не было сделано никаких выводов - это было для аналитиков, идущих дальше по служебной лестнице, - но количество деталей в нем намекало на важность, которую Д'Арка приобретал по отношению к Императору. В нее вошли четыре недавних изображения с оливковой кожей и прекрасными чертами, с этой удивительной рекой вороньих волос, падающих на ее спину, и огромными, темными, миндалевидными глазами, умными и расчетливыми.

Слишком много, по мнению Мары. Д'Арка окончила престижный институт Магроди, но, несмотря на множество предложений, не смогла занять какую-либо официальную должность, вместо этого она расслабилась и погрузилась в образ жизни голубых фишек, который ее семья могла легко позволить себе благодаря богатству и положению. В файлах Intel сказано, что это пустая трата тонкого интеллекта и образцового образования. Мара не была так уверена. У Кириа Д'Арка были хорошие амбиции, и она вкладывала каждый дюйм своих значительных способностей в их реализацию.

Статус ее семьи привел ее в Императорский дворец, а затем к Люку, но все остальное она сделала сама; нелегкий подвиг. Люк, как известно, опасался посторонних, но терпел ее медленные, хитрые инсинуации в его более широкую гражданскую свиту без комментариев - но и без интереса. И, попав на обочину, по какой-то причине Мара не могла понять, Д'Арка больше не использовал ее преимущество. И даже если Люк не мог видеть или не удосужился признать правду, Мара была хорошо осведомлена о намерениях Д'Арки; она знала соперника, когда смотрела на него. И его тоже нигде не упустили. Мара также прочитала профиль, данный Повстанцам сетью Ботанов в начале этого года, и, хотя в нем были некоторые ошибки,

большинство из которых, как знала Мара, Палпатин давно засеял специально, чтобы их можно было найти, в целом он оказался на удивление точным.

На восемь лет старше Люка, которого Мара знала, что он даже не будет рассматривать его, Д'Арка в своем психическом профиле описывалась как амбициозная и энергичная, несмотря на ее незаинтересованность в получении признанного положения. Остроумная и учтивая, отполированная и образованная, она с детства находилась в высших кругах, хорошо разбиралась в тонкостях дворцовой жизни, получила официальное положение при дворе и много раз посещала ее к концу правления Палпатина. Идеальный, хорошо подобранный компаньон для нового Императора, психический профиль услужливо предложил Маре, скривив губы. Несмотря на то, что она знала об обратном, Мару раздражало то, что в отчетах часто упоминалось, что Д'Арка был связан романтическими отношениями с Императором, и тот факт, что ее семья занимала официальные апартаменты во Дворце, казалось, считается подтверждением этого.

Д'Арка долгое время появлялся и исчезает из жизни Люка наугад, но никогда не оказывал никакого давления, рядом с Люком в течение недели или около того, а затем заметно отсутствовал в течение нескольких месяцев, казалось, совершенно не обеспокоенный этим фактом. «Возможно, потому, что ей всегда удавалось снова возвращаться», - сухо подумала Мара. Тем не менее, в отчете говорилось, что Д'Арка в будущем станет более постоянным супругом - возможно, даже императрицей. Конечно, всегда предполагалось, что Скайуокер заключит политический брак, и даже в самых консервативных кликах Кириа Д'Арка определенно занимала место в списке вероятных кандидатов. Она сделала свои первые шаги при дворе к концу правления Палпатина, и даже тогда, на взгляд Мары, ее цели были четко определены. Каким бы амбициозным она ни была, Д'Арка определенно не позволил бы такой мелочи, как смена Императора, сорвать эти планы.

Мара не преминула отметить формулировку последнего отчета Intel; что Д'Арка был ее «обычным внимательным я» по отношению к новому императору. Мара знала, что это вполне могло быть поспешными выводами - или же его привели к ним - и если Люк хотел сыграть в какую-нибудь политическую игру, то он, безусловно, сделал бы последнее. Тем не менее, возможные сценарии непроизвольно проносились у нее в голове, когда Мара наконец достигла грандиозного арочного прохода, обозначавшего Императорский кабинет, коридоры власти во Дворце. Кивнув Генеральному секретарю Виррана, проходя мимо, Мара уже направлялась в кабинет императора, когда мужчина слегка наклонился вперед над своим безупречно аккуратным столом, чтобы поправить ее.

"Приемная". - просто сказал он, и Мара вцепилась ему в пятку и быстро развернулась, чтобы снова обогнать его на обратном пути по широкому главному коридору, отметив, что Клем, потеряв внимание, стоял в дальнем конце, еще двое охранников за пределами высокого, широкого коридора. двери. Палпатин всегда проводил такие аудиенции в массивном формальном тронном зале в Кабинете, построенном специально для этой цели, восседающем на троне на возвышении, без преуменьшения своего положения или власти.

Люк, которого не устраивали такие показные игры, приказал изменить дизайн комнаты, разделив ее на меньшие, менее грандиозные комнаты, и теперь большинство таких встреч проводилось в зале, который, хотя и оставался внушительным, имел гораздо больше атмосферы роскошного, хорошо -назначенный офис, чем формальный тронный зал. Она остановилась перед Клемом, который, многозначительно взглянув на хронограф на комлинке, вручил ей небольшой наушник, уже настроенный на сегодняшнюю частоту.

Постучав один раз, Мара подождала разрешения, а затем вошла, все еще сжимая динамик ей в

ухо, когда она заняла позицию прямо за дверью, Люк на мгновение взглянул вверх после встречи в знак подтверждения. . К середине утра несколько пограничных споров были урегулированы недвусмысленно, и, несмотря на совет министра внепланетной торговли Леви, планете Леритор было разрешено приостановить взимание сборов на год при условии, что эти средства реинвестируются в качестве помощи. на свой главный континент после разрушительных циклонов в начале того года.

Слишком снисходительный наполовину, подумал Мара, хотя и не настолько, что у него не было установленного ежеквартального соглашения о подтверждении инвестиций, которое должно быть доставлено непосредственно моффу системы - и вселить страх смерти в Планетарного губернатора Леритора. Люк считает, что таких доказательств не хватает. Мара, как всегда, осталась стоять внутри массивных дверей, прислушиваясь к постоянной болтовне службы безопасности в наушнике. Оставшись без внимания, она выполнила все концепции своей публичной роли телохранителя, молчаливого, незаметного и источающего непревзойденные способности. Вежливый стук возвестил о следующей аудиенции, и высокие двери скользнули в сторону, пропуская лейтенанта Барескига, утреннего адъютанта, со следующим просителем.

«Ваше Превосходительство, позвольте представить Беладона Д'Арку, главу Правящего Дома Д'Арка, Планетарного губернатора Борлейаса, Тейра, Гована и Сигми». Незаметная для мужчины, когда он вошел, Мара сузила свои зеленые глаза до щелочей, подозрение и неприязнь написаны на ее лице. Люк на мгновение взглянул на нее и не смог сдержать ухмылку, которую он превратил в достойную улыбку, когда повернулся к Д'Арке. «Ваше Превосходительство», - просочился Беладон, шагнув вперед, чтобы сделать идеальный официальный поклон, никогда не слишком заискивающий, никогда не слишком малый и всегда в нужное время, - «Это всегда честь».

Люк кивнул: «Беладон. Что привело тебя в мой офис?» «Если можно, ваше превосходительство, я хотел бы попросить о частной аудиенции». Гуити, который был свидетелем и записал дневные собрания из неприметного угла, взглянул вверх, затем на Люка, который откинулся на спинку кресла за своим огромным столом. Любопытство достигло пика, Мара посмотрела на Люка, ожидая реакции, отметив, что выражение его лица изменилось, когда он откинулся назад и мягко укорял его тоном: «Возможно, это должна была быть неофициальная аудиенция, Беладон». «Простите меня, ваше превосходительство».

Д'Арка сказал без намека на извинения: «Я считал это и… личной, и политической ситуацией, хотя был бы признателен за вашу снисходительность к ведению дела в частном порядке». Люк прищурился, но кивнул, не оборачиваясь. Гуити поднялся и, вежливо поклонившись, ушел. Мара задержалась на несколько секунд в нерешительности, но когда Люк взглянул на нее с непонятным выражением лица, она тоже коротко поклонилась и ушла, тяжелые двери бесшумно закрылись за ней, оставив ее с неопределенным чувством надвигающейся проблемы. В широком коридоре снаружи Клем приподнял бровь: «Что происходит?» Мара боролась с искушением повернуться и прижаться ухом к закрытой двери: «Д'Арка думает, что теперь у него есть право на частную болтовню». она презирала, разочарованная тем, что Люк позволил это, но зная, что он не поступил бы так легко. Тем не менее, она отдала бы месячную зарплату, чтобы оказаться по ту сторону этих дверей прямо сейчас.

Когда дверь в тишине закрылась, оставив в комнате только себя и д'Арку, Люк встал и подошел к ряду окон, выходивших на парадный фасад дворца, и молча посмотрел на длинную открытую аллею, которая вела в идеально прямая линия по периметру территории дворца вдали, ухоженные лужайки массивной золотой и бирюзовой мебели, подобранной специально для этой комнаты, хотя они оставались карликовыми по своим грандиозным пропорциям, несмотря на их объем и количество. Это была комната, созданная, чтобы произвести впечатление, и

даже Люк Впечатляющая комната была выбрана Рисом очень тщательно для первого раунда личных аудиенций, предоставленных только самым влиятельным из просителей по строго контролируемому графику.

В тот момент, всего через пять дней правления Люка, наиболее важными аспектами, которые были представлены другим, были непоколебимое положение и гарантированная преемственность, которую олицетворял новый Император, и были приложены все усилия, чтобы связать это с элитой в понятной для них манере. . Люк уже провел два дня в полном государственном костюме, кивая очевидно бесконечному множеству членов королевской семьи, планетарных представителей, политических знатоков и военной элиты, которые выставились перед ним, чтобы поклониться и лично присягнуть на верность и верность после его вступления.

После первой сотни или около того он практически никого не узнал и к середине дня первого дня, несмотря на категорическое заявление, что не узнаетсидеть на чем-то похожем на трон, нераскрытые травмы Люка означали, что сюда принесли тяжелый резной стул. Ко второму дню он довел до совершенства расплывчатый наклон головы и кивок, который сопровождает любой перерыв в монотонном гудении церемониймейстера. , что указывает на то, что он только что закончил называть имя, официальный титул и звание еще одного человека. Все для того, чтобы присутствующие могли заявить, что были представлены новому императору и встречались с ним лично. Теперь, на пятый день своего правления и ни разу не поговорив со своим кабинетом, Люку нужно было выразить больше личных признаний и успокоить старых и новых союзников.

Вот тут и появился Д'Арка. В свои шестьдесят с небольшим и имея большой опыт работы в политике, как при Старой Республике, так и под властью Империи, Д'Арка был одним из самых первых сторонников Палпатина, когда его семья была второстепенным королевским домом, имеющим преимущественные права. в корпоративном секторе. Своевременная поддержка, как в денежном, так и в политическом плане, молодой Империи принесла им огромный статус, а также контроль над тремя планетами в Центральных Системах и еще двумя в Корпоративном секторе, а также за два десятилетия значительных браков и тщательно управляемой военной карьеры. их власть на политическом поле - казалось, что Д'Арка явно намеревался укрепить с новым Императором. И все же теперь он казался нервным, несмотря на его поддержку...

Слишком нервным, когда он шел через комнату к Люку. Почему он так нервничал? Потому что теперь ты Император. Каким-то образом, несмотря на все, что произошло за последние несколько дней, это представление все еще ускользало от него. Возможно, он все еще отрицал это из-за абсолютной абсурдности этого. Однако Д'Арка, похоже, с удивительной легкостью смирился с этим изменением. «Позвольте сердечно поздравить вас с вступлением, ваше превосходительство». Люк холодно посмотрел на мужчину; в прошлом они говорили всего несколько раз; на самом деле он почему-то, казалось, говорил гораздо больше с дочерью этого человека, имя которой ускользнуло от него, чем с самим Д'Аркой, несмотря на его очевидные попытки сблизиться. Он всегда казался слишком нетерпеливым, чтобы угодить Люку. «Спасибо, д'Арка». «Пожалуйста, ваше превосходительство, для меня будет честью, если вы продолжите называть меня Беладон».

Мужчина слегка поклонился, чтобы не заметить приподнятой брови Люка; насколько ему известно, он никогда не обращался к Д'Арке по его имени. "Как хотите." "Я пришел, чтобы подтвердить мою неизменную безоговорочную поддержку, Ваше Превосходительство, от имени меня и Дома Д'Арка во всех и во всех его проявлениях, хотя я уверен, что вы знали, что вы так приказывали. Д'Арка всегда наслаждалась близостью отношения с Императором ". Люк подавил улыбку, чувствуя себя так, будто наблюдает, как болонка забирается в кресло своего

хозяина, как только он вышел из комнаты. "Даже когда Император изменился?" «А, но у нас уже есть далеко идущее соглашение между нашими Домами, Ваше Превосходительство... Я надеюсь, что это остается неизменным?» Люк нахмурился при этом, понимая, что они, наконец, добрались до причины визита Д'Арки.

«И что будет?» Д'Арка нахмурился, наполовину для галочки, но наполовину искренним, как почувствовал Люк. «Простите меня ... я надеюсь, вы знали о соглашении, которое было достигнуто между Домом Д'Арка и Императором ... покойным Императором от вашего имени? Вот это был акт; Д'Арка чертовски хорошо знал, что, что бы ни было согласовано между ним и Палпатином, Люк не имел к этому никакого отношения, хотя явно он был каким-то образом целостным, что сделало Люка тем менее желающим играть в эти игры.

«Палпатин мертв. Любое соглашение или соглашение, которое вы заключили с ним, умерло вместе с ним». Люк заявил безоговорочно. Д'Арка снова остановился, настороженно склонив голову, явно ища нужные слова: «Как вы, конечно, говорите, Ваше Превосходительство, однако... соглашение было заключено Палпатином только с учетом вашего преимущества, сэр, и...» «Палпатин очень мало сделал для меня, д'Арка, и если бы это было так в мою пользу, я сомневаюсь, что у него была бы причина скрывать от меня это... предполагаемое согласие ». «Я думаю, что, возможно, Император Палпатин не хотел, чтобы вы испытывали излишнее давление, Ваше Превосходительство.

Он полагал, что вы придете к такому же выводу, руководствуясь собственной логикой». «Вы имеете в виду, что он чувствовал, что будет легче принуждать, чем командовать, это то, что вы пытаетесь сказать?» - возразил Люк, никогда не уклончивый. «И что он так старался, чтобы стать существом на этот раз?» Д'Арка колебался, явно неудобно от такой прямоты, но, будучи политическим хамелеоном, он приготовился, явно намереваясь позволить новому Императору формировать свое поведение. «Император считал, что в ваших интересах будет заключить соглашение между вами и королевским домом Д'Арка. Я думал, вы это знаете, сэр». Люк подумал, что этот человек уже сказал несколько раз.

Д'Арка беспокоили особенности - именно они его постоянно обходили стороной. "Что за согласие?" «Я считаю, что он стремился более тесно связать ваше будущее с Домом Д'Арка. Он считал, что это поддержит вашу политическую стабильность - что мы окажем вам значительное влияние». Люк приподнял бровь: «Это уже ваш долг как лояльных граждан». «Конечно, Ваше Превосходительство; мы всегда будем делать все возможное, чтобы помочь Императору. Однако... Палпатин в своей мудрости чувствовал, что более публичное заявление солидарности даст вам прочную политическую и патрицианскую основу для управления Королевскими Домами. " «Вы говорите мне, что королевские дома нелояльны?»

Конечно, так оно и было; Королевские дома существовали давно и укоренились, и разногласия в какой-то степени были неизбежны, как и всегда, даже во время правления Палпатина. Империя существовала четверть века - некоторые из королевских домов могли проследить свои родословные и свое наследие на тысячи лет назад, и хотя Люк был достаточно уверен, что никто не будет открыто оспаривать его действия как Императора, он также хорошо знал, что они могли очень легко усложнить его жизнь - и, что более важно, его планы. "Нет-нет, ваше превосходительство, я уверяю вас, что здесь нет открытого несогласия.

Но у семьи Д'Арка много связей, много поколений знаний и опыта в этой области, и для нее будет честью передать весь этот опыт вам. на новом месте ". Люк знал, что он делал большие продажи; он действительно хотел, чтобы это предполагаемое согласие произошло ... что заставило Люка задуматься, что именно д'Арка получил от сделки. Пытаясь остановить все эти промедления и перейти к делу, Люк бросил этому человеку кость.

«Ваша преданность уже оценена. Не верьте, что я не ценил поддержку, которую вы уже оказали. Продолжение такого... соглашения, конечно, было бы полезно. Однако...» он выпустил то, что, как он надеялся, было обнадеживающей улыбкой хотя по выражению лица Д'Арки человек явно чувствовал, что смотрит в глаза волку. «Я не понимаю, что именно Дом Д'Арка выиграет от такого... соглашения. Помимо моей благодарности, конечно». «Этого само по себе достаточно, ваше превосходительство». Мужчина снисходительно сказал: «Хотя соглашение, заключенное с Императором Палпатином от вашего имени, было для более... формального признания, которое было бы видно всем.

Более обязательного». В заключение! "Продолжать?" На этот раз Беладон колебался лишь мгновение: «Он чувствовал... что лучший способ закрепить это соглашение - это брак между вами и наследником Дома Д'Арка». И тут, прямо здесь, для Люка на место возникло множество мелких деталей. Приказ Палпатина, который в то время казался бессмысленным, сопровождать его в редко используемый Зимний дворец год назад. «Случайное» отсутствие Мары, посланной с миссией Императора. Присутствие дочери Беладона Д'Арки Кириа на ретрите Зимнего дворца. Приглашение от Беладона, распространенное там впервые, но несколько раз с тех пор, чтобы Люк всегда мог свободно пользоваться охотничьими домиками или величественными домами в любом из частных имений своей семьи. Любопытная настойчивость в том, что это, конечно же, открытое приглашение в любое время в любое из множества владений Д'Арки.

Его стремление поговорить с Люком - чтобы его заметили - в суде. Люку было приказано поговорить и провести первый танец с Кирией Д'Аркой на последнем балу, который ему было приказано присутствовать, пока Палпатин был еще Императором - и, наконец, готовность Беладона Д'Арки так активно поддержать Люка, когда он пришел властвовать.

Беладон сделал хороший поступок, удивившись тому, что Люк еще не знал, но правда заключалась в том, что он уже запутался в этом разговоре. Когда он впервые вошел, он явно нервничал, зная о том, что ему придется рассказать новому Императору о важных планах, сделанных от его имени без его ведома или согласия, и попытаться спасти то, что он мог теперь, когда Палпатин, только один, способный их заставить, исчез. Автоматической реакцией Люка было желание рассмеяться в лицо Д'Арке; отказаться от этого из-под контроля просто из принципа. Он сделал резкий вдох, чтобы сделать это ... Но что-то заставило его замолчать в последнюю секунду; какой-то рациональный голос в глубине его разума оценивает предлагаемые преимущества. Была ли это холодная логика - или это был шепот Силы. Он колебался... задумался. По правде говоря, это было ему очень выгодно;

Д'Арка уже помог стабилизировать свой суверенитет в поспешных, непредвиденных обстоятельствах. Ему не нравился этот человек, ни капли, но даже небольшие изменения, которые Люк внес в существующую конституцию, вызвали массовый шок среди правящей элиты, и они были лишь частью его окончательного намерения. Если он хотел стабилизировать свое правление и по-прежнему продвигать свои планы, ему потребовалась бы серьезная политическая поддержка на арене, где его опыт был ограничен. И человек, наделенный властью Д'Арки, был бы полезным союзником и бесценным учителем, этого нельзя было отрицать - и что может быть лучше, чем обеспечить полную приверженность Д'Арки, чем связать судьбу своей собственной семьи с судьбой Люка?

В этот момент Люк знал, что он предпочел бы иметь Д'Арку в качестве союзника, чем противника, дестабилизирующего и без того скалистую арену - и если он действительно окажется проблемой ... ну, тогда старый Мастер Люка всегда говорил, чтобы его враги близки? Или так всегда начиналось, подумал Люк; заключены сделки, достигнуты компромиссы. Палпатину было наплевать на Люка, но он хотел сохранить стабильность своей драгоценной

Империи - своей династии ситхов - когда его не стало.

Несмотря на то, что в то время он не знал, насколько это неизбежно, сделка, которую он заключил с Д'Аркой, повидимому, заключалась именно в этом; стабилизироваться в период флюса. Люк почти слышал аргументы своего старого Учителя, точно слышал слова, которые мог бы процитировать Палпатин; что то, что Люк делал в уединении брака, или заботился ли он о сохранении соглашения или брака, когда его база власти была обеспечена, Палпатин не заботился. Что было важно, так это то, что она была там, когда она понадобится, пока Лука не установит свое правление.

И он был прав; Д'Арка мог обеспечить доступ к ранее существовавшей иерархии, в которой Люк в настоящее время не имел большого влияния, основу для работы и учебы, политический опыт и далеко идущие связи, которые не мог обеспечить никто из нынешнего окружения Люка. Он не доверял этому мужчине, но пока это было в их интересах, это могло быть полезным инструментом, и это было то, что давал брак; это было актуально только в том смысле, что гарантировало обязательства Д'Арки. Палпатин увидел бы это именно так, и не более того, и он ожидал бы того же от своего защитника.

Люк понял, что все еще смотрит на Д'Арку, который внимательно следит за ним, его лицо выражало странную смесь надежды, отчаяния и желания. Он снова вдохнул, и когда он заговорил, его голос был бесстрастным и сдержанным… но это было все, что Д'Арке нужно было услышать; «Расскажи мне подробности». . . Эта встреча состоялась почти год назад, и хотя Люк сказал, что будет размышлять, он знал, что подошел к концу того, что можно было с полным основанием считать таким периодом, и Д'Арка был здесь сегодня в поисках ответов. И, честно говоря, хотя у него не было никаких гарантий все это время, Д'Арка старательно поддерживал нового Императора. Люк использовал это время, чтобы убрать детали «соглашения» и обсудить их наедине с Натаном и Рисом.

Натан, всегда будучи романтиком, оплакивал эту идею, но Рис, всегда реалист, видел очевидные преимущества, как и Люк, и когда стало ясно, что Люк серьезно рассматривает это, Натан был так же прагматичен, как всегда, предлагая безоговорочную поддержку и критический взгляд.

Люк не был настолько глуп, чтобы поверить в то, что детали, которые предоставил Д'Арка, были деталями, которые он согласовал с Палпатином; хитрый политик определенно был достаточно проницателен и смел, чтобы сдвинуть сделку в свою пользу к тому времени, когда Люк узнал, что на самом деле происходит - это было частью того, что делало его таким ценным - но если Д'Арка хотел эту сделку, то это было будет на условиях Люка, а не на его, хотя он, вероятно, ожидал этого. Как ни странно, только во время разговора с Натаном Люк понял, что в этом контракте есть третье лицо, и еще не услышал ни слова ее мнения. Кирия Д'Арка безвозвратно изменит свою жизнь с помощью… соглашения - Люк еще не мог ни думать, ни назвать это как-то иначе - и ему нужно было знать, что она чувствовала.

Ему нужно было поговорить с ней лицом к лицу, потому что это никогда не будет больше, чем политический брак - формальная договоренность в пользу двух сторон, которая может быть аннулирована в любое время - и он должен был быть уверен, что она это понимает; ему нужно, чтобы она вошла в это с открытыми глазами .. Натан утверждал, что беспокойство Люка было попыткой смягчить его собственную вину, и, возможно, так оно и было, но независимо от того, какие преимущества, Люк обнаружил, что не сможет преодолеть это препятствие, если Кирия Д'Арка не хочет или не уверен. Он привык жить пустыми притворствами и публичными шарадами, если они достигают его целей.

Вопрос был в том, сможет ли она? . Беладон д'Арка медленно подошел к императору у ряда высоких окон, стараясь держаться на почтительном расстоянии, глядя на свежее весеннее утро. «В этом году они прогнозируют теплое лето, ваше превосходительство». Он сделал небольшую паузу: «Мне всегда нравился разгар лета. Это делает каждое мероприятие исключительным». Как обычно, Император не особо оценил его вежливый подтекст. "Может быть, свадьба?" Беладон слегка опустил голову: «Конечно, на усмотрение вашего превосходительства».

Император оставался неподвижным, и Беладон рискнул искоса взглянуть на человека. За исключением шрамов, как глубоких, так и поверхностных, его лицо все еще сохраняло завидную яркость юности без морщин, из-за чего было трудно приписать все тревожные слухи, которые свистели о Дворе, за худощавым, замкнутым молодым человеком. Но что-то было в нем, что-то в его глазах и резкая, плавная сила его движений, которые давали ему неоспоримое преимущество и заставляли нервничать даже Беладона.

Палпатин, по крайней мере, был предсказуем; человек, стоявший рядом с ним, был известен своей подвижностью, переходя от бесчувственной отстраненности к интенсивным вспышкам в мгновение ока. За годы, прошедшие с тех пор, как Беладон впервые увидел ставленника Императора при Дворе, он изменился настолько сильно, что его почти невозможно было узнать. Юноша, который стоял с таким явно тревожным беспокойством за троном Императора, стал вождем людей, излучая легкую, уверенную силу, не вызывающую возражений, с ледяными глазами, которые могли в мгновение ока склонить даже ветеранов-придворных к унизительной тишине. Что не обескуражило Беладона.

Он посвятил два десятилетия верному долгу на стороне старого Императора, и теперь возможность продвинуть эту позицию - укрепить ее - была так близка, что он почувствовал ее вкус. Последняя награда за годы усердной службы. Он почти потерял все это - видел, как оно выпало из его рук год назад после объявления о смерти Палпатина.

Это Кирия преследовала его, не желая допустить, чтобы задача, которую она начала в Зимнем дворце и продолжала при каждой возможности в Суде, пошатнулась, достаточно сильная и умная, чтобы прокладывать себе путь вперед. Беладон продолжил бы, как уже повелел Император, медленно пытаясь ввести свою красивую, талантливую дочь в жизнь нового Императора и надеясь на лучшее. Кирия, заявившая, что знает свою жертву, предложила более прямой подход, и хотя у него были сомнения, поговорив с новым Императором и оставаясь настолько близким, насколько это было возможно после его вступления, Беладон, оглядываясь назад, знал, что его дочь была правильно. Новый император, в отличие от своего предшественника, ценил прямоту и благосклонно относился к ней. Как и предсказывал Кирия, он не торопился и логически рассмотрел преимущества, никаких немедленных возмущенных вспышек или необдуманных отказов, несмотря на его очевидное преимущество.

Она сделала домашнее задание и выучила свой предмет. И все же это была азартная игра, такая прямота, и все, на что Беладон мог теперь надеяться, это то, что риск окупился. Император слегка наклонил голову, не глядя на Беладона, явно изо всех сил стараясь подчеркнуть, что это еще не было принятием чеголибо. «Я поговорю с Кирией Д'Арка в своих апартаментах сегодня в семь». При этом он резко повернулся и подошел к своему столу, аудитория явно прошла, насколько он был обеспокоен. Обрадованный, Беладон низко поклонился и отступил назад, поспешно выйдя из комнаты, чтобы непредсказуемый Император не передумал. .

Люк сидел, потирая виски, и смотрел, как Мара возвращается, когда Д'Арка уходит, еще раз низко поклонившись Императору, Мара одарила его самым легким из без энтузиазма кивком,

когда они проходили, заставив длинную косу ее рыжих волос упасть ей на плечо, как будто она с любопытством приподняла изогнув бровь, глядя на Люка, стоя у двери. Мара - единственное осложнение, как и всегда. Она была и его непоколебимой силой, и его величайшей слабостью. Но разве его старый Учитель не всегда предупреждал его, что она будет последней? Хотя ко всему, что сказал Палпатин, нужно относиться с осторожностью; у него была привычка следить за тем, чтобы его собственные пророчества сбывались.

Люк знал, что хитрый старый ситх поместил ее туда как слабость; в чем-то виноват, хотя на самом деле судьба Люка была полностью создана им самим, а слабости - его собственными. Его сострадание, его изоляция, его потребность. Его поиски родства с отцом, зная о риске. Его желание сближения с Марой, несмотря на предупреждение Палпатина. И теперь она снова была осложнением, причиной для него колебаться, когда он чувствовал такую вину за то, что он собирался сделать с ней во имя необходимости.

Потому что все, что предлагали Д'Арки, ему было нужно. Он, конечно, мог бы выжидать и получить более широкую поддержку в течение нескольких лет, в течение которых нынешнее положение сохранится, мышление как имперцев, так и повстанцев будет еще более поляризоваться, число погибших возрастет, и Люку в конечном итоге придется уничтожить восстание и тем самым предоставленную им возможность. Если он должен был это сделать, это нужно было сделать сейчас; как только он потерял инициативу, она исчезла навсегда.

Он не лгал Лее, когда сказал, что это был решающий момент; шанс, который больше никогда не повторится. И так или иначе, работая с Лейей или против нее, он примет это. И если бы он это сделал, широкое влияние Д'Арки на другие Королевские Дома в Центральных Системах и за их пределами было бы неожиданной неожиданностью, которая, возможно, могла бы компенсировать неожиданный приход Люка к власти. Он нашел время, чтобы заложить такие основы с военными, но у него отняли время, необходимое для того, чтобы заложить основы в Королевских домах. Конечно, как и восстание Леи, Люку на самом деле не нужно было политическое минное поле, которым были Королевские дома; он прекрасно понимал, что может использовать вооруженные силы, чтобы протолкнуть любые изменения. Несмотря на то, что время от времени несогласный Мофф, он все еще пользовался их непоколебимой поддержкой. но это, скорее, упускало суть.

Тем не менее, между тем, сама причина, по которой он хотел использовать Королевские дома - их власть на планетарном уровне с точки зрения независимого лидерства - означала, что они были силой, с которой нужно считаться в политическом плане, если Люк решил не просто ездить грубо ... обуты поверх них, как всегда его старый Мастер. Люк хотел их несогласия; их готовность задавать вопросы и бросать вызов, как всегда, но не сейчас. Сделка Д'Арки предлагала короткий путь для их контроля, который давал

Люку все, что ему было нужно, на тарелке; гарантированная поддержка, потому что, если бы они были связаны с ним, сохранение стабильности было бы в интересах Д'Арки так же, как и в его интересах. Они поддерживали его, когда он впервые пришел к власти, используя свое давнее влияние, чтобы привлечь за собой королевские дома в убедительной демонстрации своего политического влияния, и теперь, зная только о его нынешнем положении, а не о его будущих намерениях, они предлагали контракт, который обеспечил бы их поддержку на долгие годы, согласны они с его планами или нет. Все, что ему нужно было сделать, это жениться на Кириа Д'Арка.

Если бы он сделал это, он бы получил их, а через них принятие и поддержку островных, элитарных королевских домов. И все, что ему нужно было сделать, это жениться на Кириа Д'Арка. Она была красивой, умной, остроумной… вряд ли это было обременительной задачей.

Он не так хорошо ее знал, но то немногое время, которое он провел в ее компании, он чувствовал себя достаточно комфортно, и ей искренне нравилось его. И даже это не имело значения; это был договор, не более того. Их обязанности друг перед другом заключались в том, чтобы приходить в один день. Так почему это было так сложно? Это был договор, закрепленный юридическим обязательством.

Законный , не физический, не духовный. И сегодня вечером он должен убедиться, что Д'Арка тоже это понял; она показалась ему умной женщиной, не склонной к приступам романтических иллюзий. Люк вздохнул, наклонившись вперед, чтобы потереть переносицу; Так почему же, каждый раз, когда он закрыл глаза, окончательно убедившись, что поступил правильно, Люк видел острые лесно-зеленые глаза и пламя красно-золотых волос? Потому что это было снова; его последняя слабость. Она могла быть силой - она должна была быть силой, но когда он наконец оказал ей доверие, она предала его. За несколько часов она рассказала все Императору, зная, что последствия будут ужасными.

Он не мог ей доверять. Это был факт; он не мог ей доверять . Все остальное не имело значения; любое другое чувство; любое другое желание. Она стоила ему всего - и он не мог заставить себя снова дать ей этот шанс. « Доверие - это слабость», - снова и снова ругал Палпатин; обнажил слабость и болезненную цену таких невыносимых неудач. Даже сегодня, когда его старый Мастер давно ушел, Люк все еще пытался избавиться от таких недостатков - или это были недостатки вообще? Были ли они просто человечеством? Способ для Палпатина манипулировать им, задавая вопросы о невозможном? Всегда с Палпатином это были игры внутри игр, давая Люку то, что ему нужно, а затем показывая ему ошибку его потребности, заставляя его оттолкнуть ее. Пытаться убедить его, что недостатки были его собственными руками, что это все его вина ...

Но в некоторых вещах он сам виноват… именно его слабость стала причиной смерти его отца; В конце концов, это он позволил своему отцу войти в поисках какой-то связи. Тот, кто позволил Маре приблизиться, потому что думал, что может ей доверять. Это его слабость стала причиной смерти его отца. Его слабость, которая все это привела в движение. И теперь, зная это, не удвоил ли он эту ошибку, позволив Маре остаться - позволив себе эту слабость? Конечно, такая договоренность была лучше. Никаких эмоциональных обязательств не требуется; простое деловое предложение. Ни эмоций, ни ответственности, ни слабости.

Только факты; Стабильность, которую он требовал, которую они обеспечили, - похвала, которую его положение предлагало им взамен. В других предложениях недостатка не было; практически любой, у кого есть дочь, достигшая совершеннолетия, воспользовался малейшей возможностью, чтобы представить их новому Императору понимающим и обнадеживающим тоном. Но это была, безусловно, лучшая сделка на столе, и, по крайней мере, она прекратила бы бесконечные сплетни. И вырезать Мару из своей жизни. Добиться по умолчанию того, что Люк знал, что он не может сделать сам. Потому что, несмотря ни на что, какая-то часть его все еще хотела пойти к ней сейчас, взять ее на руки и сказать ей, что он ... что он все еще хочет, что он все еще нуждается.

Возьми ее за руку и беги. Просто беги, пока они не достигнут конца галактики. Но он сделал это предложение однажды, накануне своего восшествия на престол Императора; «Пойдем со мной - мы уйдем сегодня вечером». Предложение оставить все это позади и жить нормальной жизнью и быть нормальными людьми. Стареть и заботиться друг о друге и… что? Он даже не знал; даже не помнил, что делали нормальные люди. Это не имело значения; она хотела, чтобы он остался. Будь Императором. Править, как Палпатин. Она хотела мужчину, которому она всю жизнь поклонялась и которому служила. Она тоже хотела Люка, он это знал, но она хотела большего.

Одного никогда не было достаточно - она хотела и того, и другого. Итак, он остался. Не полностью из-за нее, он солгал бы, если бы заявил это. Но если бы она сказала «да» в тот момент; если бы она сказала запустить двигатели разведывательного корабля и просто улететь оттуда, даже не оглядываясь, он бы сделал это, когда слова сорвались с ее уст, без колебаний. Но она этого не сделала. Значит, он остался ... И каждый божий день с тех пор, как он изо всех сил пытался балансировать на лезвии ножа между Светом и Тьмой. Но тогда это был старый навык - держаться вместе, сглаживать трещины силой воли, нацеливать на цель и просто двигаться вперед, как он всегда умел делать.

Ничего не залечили, ничего не предприняли, трещины все еще были под фасадом, трещины слишком глубоки, чтобы их можно было исправить. Старые раны, в большинстве своем, нанесены давным-давно мучительными, медленными осколками, постепенно растираются, рвутся. И каким-то образом где-то по пути, просто чтобы пережить еще один день, он полностью отделился от пилота, которого затащили в камеры под Дворцом. Как-то.... он оставил Люка Скайуокера в этой камере. Пришлось просто выжить. Стать совсем другим человеком, даже он это видел. Императорский волк; его адвокат.

Могущественный и могущественный, внушительный и уважаемый, но такой же запертый и изолированный здесь, каким когда-либо был пилот повстанцев. И с годами эти разрозненные личности становились все более и более поляризованными, он знал это - мог сам видеть это, хотя был бессилен это остановить. Измученный и замученный, у него было все, что он был оторван от него, и в последней попытке сохранить некоторое подобие здравомыслия он отказался от этого. Но это не оставило его. Наивный пилот, которого затащили в камеры под Дворцом, все еще время от времени шептал... и какая-то его часть все еще не могла не слушать. Как бы это ни разорвало его на части.

Он живо помнил момент, когда все изменилось. Когда он столкнулся с Палпатином, зная, что черносердечный ситх убил его отца без сожаления и сожаления. Вспомнил момент - момент, когда он знал, что готов отдать что-нибудь , заплатить любую цену, чтобы убить убийцу своего отца. И он знал, какова эта цена. Решение, которое он принял, не было слепым. Когда четыре года назад он дрался с Вейдером, Люк действительно не поддался Темной стороне; в этот последний момент он не смог убить своего отца - отступил. Да, он подошел близко, но отступил от пропасти. И провел следующие пять лет, разрываясь между Тьмой и совестью, Палпатин подстрекал и направлял его. Пока он не включил своего Учителя... и на этот раз - на этот раз он действительно этого хотел .

Настолько много, что готов был отдать за это все ... Итак, он, наконец, принял - по-настоящему, без оговорок и принуждения - Темную сторону, потому что она давала ему шанс достичь всего, чего он желал; Уничтожение Палпатина. Его мысли ни на мгновение не продвинулись дальше этой единственной цели. Нет скрытых мотивов, нет долгосрочного плана;

Наоборот, на самом деле. В тот момент он был готов продать все свои намерения; свое будущее и будущее Империи, в тот мрачный момент, он был готов продать их все, чтобы навредить Палпатину. Чтобы остановить человека, который так безжалостно разрушил жизнь своего отца и свою собственную. За это в тот момент он с радостью заплатил бы любую цену - а у него - самая дорогая цена из всех. Он платил их каждый божий день заново, в своей твердой решимости выполнить клятву, которую он дал горькому, злобному старику, который так безжалостно разорвал его жизнь. Платил сознательно. Охотно. Итак, где-то внутри, с тех пор каждый день ему приходилось удивляться; Победил ли Палпатин?

Все прошло неважно. Но тогда, чтобы главнокомандующий Альянсом повстанцев признал, что она отправилась на миссию, о которой она для удобства забыла упомянуть своим собственным

начальникам штабов, никогда не пойдет так хорошо, если вы спросите Хан.

И действительно, это был звездный час. Оттуда все пошло под откос. А когда дело не пошло под откос, Мадин и его сторонники изо всех сил старались перенаправить его таким образом. "В чем их проблема?" Хан проворчал, когда он и Лея наконец отделились от остальных и направились по более тихому боковому коридору на борту Хоум-один. Лея пожала плечами, изо всех сил стараясь оставаться равнодушной. «Они были правы». «Да? Что ж, я, должно быть, пропустил это между всеми позированием Мадина». Лее пришлось улыбнуться: «Сегодня он был в форме. Но потом, я думаю, я дал ему цель, к которой он мог бы прицелиться». Хан не упомянул, что она могла дать им намного больше.

Если бы они знали, кто, как оказалось, ждал Лею, они бы, наверное, не выдержали. За исключением, конечно, Мадина, который, без сомнения, попытался бы арестовать своего главнокомандующего за измену ... тогда он попытался бы как-то обвинить в этом Хана; он вообще старался сделать так, чтобы все, что здесь происходило, прижилось. Хотя на самом деле он в последнее время сдавался… что было как-то хуже. Конечно, она им не сказала. Она даже не сказала Хану в течение двух дней, и когда она сказала Хану, он был встревожен собственной амбивалентностью в те первые несколько секунд, ему не нравилась мысль, что Люк может теперь переключить свое внимание на Лею.

"Ты собираешься им сказать?" - спросил он наконец. Лея поджала губы, тонкие морщинки нахмурились на ее лбу: «Когда я буду готов - когда придет время». "Сейчас подходящее время для этого?" «Сейчас неподходящее время». Лея возразила: «И это сейчас». Утаить этот жизненно важный факт было… на удивление легко. Возможно, пот «Я думаю, что в прошлом этот ребенок не принимал подобные вещи лично». Хан сказал: «Если бы он это сделал, он бы вообще не разговаривал с вами». «Если только его предложение не подлинное».

«Если его предложение не было искренним, зачем это вообще? Почему бы просто не сбить нас с орбиты, когда мы прибыли, или арестовать вас на станции?» «Я не знаю. Я не знаю, что он получает, но это должно быть что-то». «Вы знаете, вы доверяете ему больше, чем думаете». Лея нахмурилась: «Почему ты так говоришь?» «Если бы ты этого не сделал, ты бы сказал им всем, кого именно ты встретил на Девароне. Но ты хотел дать ему шанс - шанс, которого у него не было бы с Мадин, и ты это знаешь». «Мадин солдат».

Лея бесстрастно сказала: «Он думает, что единственный способ остановить это - силой». Хан взглянул на нее, удивленный ее словами: «Ты не думаешь, что он прав? Потому что ты должен сказать мне сейчас, прежде чем я пойду втиснуть свою задницу обратно в кабину AWing на еще одну десятичасовую смену». Лея проигнорировала его саркастический тон; без него он не был бы Ханом. «Я думаю, что это был бы единственный способ остановить Палпатина; это все, что он понимал. Люк… я не знаю. Думаю, я думала… надеялась…» - она снова пожала плечами, эта странная, сюрреалистическая встреча превыше всего в ее мыслях. "Я просто не знаю". Это было реально? Было ли что-нибудь, что он сказал, правдой? Хан хотел верить, потому что у них с Люком была история, но Масса… несмотря на ее официальную позицию, Лея чувствовала, что в частном порядке Масса чувствовала себя почти так же - и в этом не было никакой связи; нет истории.

«Но сейчас это довольно академично, учитывая все обстоятельства». "Ну тогда почему он разговаривает с тобой?" Лея вздохнула, чувствуя, как этот разговор, как и все ее мысли о Люке, крутятся по кругу. Император , черт возьми! Только не Люк, Император! Хан взглянул на нее: "Ты в порядке?" "Все хорошо." «Потому что ты только что бормотал себе под нос». "Все хорошо." Лея повторила: «Но спасибо, что указали на это».

Они прошли в тишине несколько шагов, прежде чем Хан снова заговорил. «Прошлой ночью тебе снова снился сон». Лея слегка дрогнула, и в памяти всплыл повторяющийся образ волка, хотя до тех пор, пока Хан не заговорил, она полностью забыла. У нее были сны со времен Альдераана, в бесконечных перестановках. Единственной константой оставался волк, его гладкий черный мех отражал лунный свет, в один момент он был там, в следующий момент потерялся в ее тени, так близко кружив с Лейей, что она слышала его дыхание, слышала его когти на камне под ее ногами. Всегда там, в ее тени ... «Это был волк».

Лея призналась: «Мне снился волк». "Что случилось?" Лея покачала головой, сон одновременно был очень реальным, но в то же время таким же неопределенным и изменчивым, как дым. «Я пытался ... Я пытался снова связаться с ним». Хан указал, что во всех снах, которые когда-либо снились Лее, она ни разу не дотянулась до волка. За почти десятилетие снов он ни разу не напал на нее, и она ни разу не пыталась дотянуться до него, как будто сохранялось какое-то непростое противостояние. «Может быть, пора нарушить статус-кво», - сказал он. Он ни разу не напал на нее. Это вызвало хаос, хаос, страх и ярость вокруг нее, но в каждом сне она оставалась невредимой. "Вы делали это?" - тихо спросил Хан.

Лея кивнула, обхватив себя руками: «Когда я потянулась к нему… он просто сел на корточки передо мной и ждал…» Смелость и решимость, которые потребовались Лее, чтобы обратиться к волку, формировались месяцами. Столько раз она тянулась, но не могла прикоснуться к этой живой тени. И когда она это сделала, когда она, наконец, дотянулась кончиками дрожащих пальцев до его шеи, его мех был толстым и густым, теплым рядом с его нагретой кожей, и она собрала его между пальцами, пока они пробегали по нему. гладит ее ладонь ...

И произошло нечто удивительное. «Он превратился в человека, который встал на колени и уперся одним коленом в пол». "Мужчина?" Лея покачала головой в отчаянии, так как потерял с этим , как Хань, «Он ... он был одет в тяжелый черный плащ с ... капоте волка кожи, и это было совсем темно под ним, как небо в глухую ночь Я не мог полностью разглядеть его лицо. Я продолжал… Я все пытался встать на колени, пытался встать на колени и дотянуться, чтобы коснуться его лица… но я не мог заставить себя сделать это. Я не мог заставить себя достать из-под мехового капюшона ".

Она непроизвольно вздрогнула, все ее тело на секунду задрожало, и Хан поджал губы, желая, чтобы он мог сделать больше. Это было с ней с тех пор, как он знал ее, мечта о волке, и он знал, как сильно она ее беспокоила. Он стянул куртку и накинул ей на плечи, притягивая к себе в на мгновение тишине коридора. «Вот. Я слышал, что это то, что носят все наиболее одетые королевские особи в этом сезоне». Она улыбнулась, выведенная из задумчивости его рыцарством. «Очень ретро». «Я люблю называть это классикой».

Он усмехнулся: «Любимый». «Под« любимым »вы имеете в виду, что его волочили по полу, ходили, рваные, изодранные и изодранные» «Эй, этот ребенок в расцвете сил - прямо как я». Лея понимающе кивнула: «Как и ты». «Мне пора. Я всегда опаздываю на брифинги, и я должен их проводить. Ты будешь в порядке?» Она успокаивающе кивнула. Он отступил по коридору к главному ангару, указывая на свою куртку: «Эй, не привязывайся слишком к этому высококлассному стилю - я хочу вернуть его». Лея наклонила голову: «Поверь мне, летун, ты можешь его получить». Возвращаясь к командному центру, Лея сунула руки в потрепанную старую куртку Хана, ее вес и ощущение ее успокаивали, ее размер полностью поглотил ее. Улыбаясь, она засунула руки в глубокие карманы, и ее палец зацепился за что-то, ноготь вонзился в липкую поверхность.

Вытянув лицо, она вытащила руку и трясла ее, пока старый кусок неупакованной, покрытой ворсом конфеты не высвободился, а тонкий рулончик торчал у нее под ногтями. Типичный.

Порывшись в других карманах, она освободила их от множества оберток, технических предохранителей, наполовину сломанного чипа памяти, двух корешков билетов, полукопченой палочки для специй и неопределенного пуха. Бормоча, Лея расстегнула нагрудные карманы и вытащила из одного из них кусок флимсипластовой карты, сложенный пополам по размеру. Открытие ее остановило ее мертвую в коридоре, потрясение полностью удержало ее внимание, а суета людей вокруг исчезла.

В ее руке, измятой и потрепанной, с потрепанными углами и местами потерянным изображением, было старомодное двумерное изображение. Они были выпущены в ограниченном количестве по случаю первого года пребывания у власти нового Императора, их распределение тщательно контролировалось, предоставлялось только избранной группе, чтобы убедиться, что они стали востребованным товаром еще до того, как они будут распространены. Лея не знала, как Хан попал к ней, но она казалась подлинной, официальная печать в нижнем углу оставалась нетронутой. Само изображение, двухмерное и напечатанное на фольгированном флимсипласте оттенком сепии, чтобы намекнуть на возраст и преемственность, полностью удерживало взгляд Леи, ее улыбка таяла.

Это был Люк ... Но это был не тот застенчивый и скромный фермер, которого, как она думала, она так хорошо знала. Это был не молодой пилот, который атаковал Звезду Смерти. Это не был опытный командир крыла Альянса, который выполнил бесчисленные миссии против враждебного врага, не теряя самообладания, или недавно назначенный командир подразделения, все еще летавший с Разбойниками, когда они покинули Хот. Это был даже не образ новоявленного императора, выпущенный в день его вступления в должность, формальный, неестественный и неловкий.

Это было тщательно организован портрет сразу после церемонии в том, что Лея знала, был старый тронный зал, новый император застыл перед тем, богато инкрустированным позолочен и эмалированными панелями, одетый в длинном, богато вышитом плаще выстроился в чистом белом garral -мех, плетеный шлейф золото на черном стекает по ступеням помоста рядом с ним. В тяжелых цепях и инкрустированных драгоценными камнями знаках отличия он выглядел настороженным, даже неудобным, его руки были крепко сжаты по бокам, его спина неестественно прямая, каждый аспект формального образа был четко организован и обработан, чтобы проиллюстрировать воплощение имперской монархии . Этот… этот, выпущенный всего год спустя, был совсем другим.

Внешне он был таким похожим, но, тем не менее, рассказывал совсем другую историю. На этот раз не было Тронного зала, не было тщательно спланированной связи со старым режимом, хотя человек на изображении был абсолютно Императором. Но на этот раз мужчина небрежно, но уверенно стоял на открытом балконе, Столица за ним, восходящее солнце за его спиной. На нем был высокий парадный костюм с воротникомстойкой, но знаки его положения были менее выражены, они сводились к нескольким сдержанным звездам Ордена на безупречно подобранном пиджаке, с единственной цепочкой на плечах.

Исчезли и тщательно уложенные складки пышного, тяжелого плаща с меховой подкладкой. На этот раз его мантия была проще; тонкий черный виноградный шелк с гладкой белой подкладкой. Императорский герб все еще был вышит на его левой груди, но плащ оставляли так, чтобы он ниспадал там, где он хотел, здесь не допускались никакие тщательные расстановки, никакая скрупулезная композиция или сложные оркестровки. Совершенно очевидно, что это был человек, который больше не хотел, чтобы ему диктовали.

Этому человеку было комфортно со своим положением и властью. Это был человек, который чувствовал, что ему больше нечего доказывать, с уверенностью и выдержкой, которые

подчеркивали эти факты спокойно, сдержанно и хладнокровно. Но оставалось одно; Император все еще держал в руке световой меч. Лея протянула руку и нежно провела пальцем по изношенному изображению, ярко вспомнив, как в восхищенном молчании наблюдала, как человека, с которым она была так близка, звали Императором ... действительно ли это был тот же человек? Теперь, глядя на изображение, она могла увидеть лишь самое малое сходство между спокойным, скромным пилотом и статным, убедительным мужчиной, который смотрел с изображения с такой замкнутой интенсивностью. Какая-то часть ее сомневалась, какая-то часть ее желала…

Был ли это мужчина, которого она знала? Тот самый человек, который четыре недели заплатил за бутылку медовухи с разрушенного Альдераана и отдал ее ей, чтобы увидеть ее лицо, когда он это сделал? Четыре недели оплаты !! Если бы это был невероятный, самоотверженный жест, о котором она думала ... или просто астрономическая цена не имела значения, не для него - не для того, кто вырос в безграничном, роскошном Императорском дворце. Было ли это самоотверженным подарком друга, которого так не хватало ... или холодными манипуляциями агента Палпатина? Было ли это доброжелательным состраданием или вообще ничего.

http://tl.rulate.ru/book/50172/1288062